

Исторический вестник. Сакральная география Ближнего Востока. 2024. Т. XLVIII.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.009

М.А. Рейснер

МЕЖДУ МЕККОЙ И КАИРОМ: «СТАРАЯ» И «НОВАЯ» САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В «КНИГЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» И ПОЭЗИИ НАСИР-И ХУСРАВА (1004–1088)

Тема настоящего исследования сформировалась как продолжение прежних работ, посвященных творчеству Насир-и Хусрава. В свое время в соавторстве с Л.Р. Додыхудоевой мы опубликовали статью, посвященную отечественной традиции переводов его «Книги путешествия» («Сафар-наме») на русский язык¹, в которой для анализа были выбраны фрагменты описания Иерусалима (Бейт ал-Мукаддас) и его святынь. Поэтическим произведениям того же автора и определению его роли в истории персидской классической литературы посвящено достаточное количество публикаций, в том числе и работ автора настоящей статьи, в том числе объемный фрагмент монографии² и много-

¹ Додыхудоева Л.Р., Рейснер М.А. «Книга путешествия» («Сафар-нама») Насир-и Хусрава в русских переводах // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Сост. Н.И. Никулин, отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2008. С. 47–78.

² Рейснер М.А. Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006. С. 273–304.

численные статьи³, в которых рассматриваются проблемы генезиса дидактико-религиозной тематики и становления аллегорического языка в персидской средневековой поэтической традиции.

О поэзии и прозе этого выдающегося религиозного деятеля, проповедника исмаилизма и поэта написано огромное количество научных работ отечественных и зарубежных исследователей. При этом выбранный нами ракурс рассмотрения материала лишь бегло представлен в одной из глав книги Элис К. Хансбергер «Насир Хусрав — рубин Бадахшана», которая посвящена его пребыванию в Мекке и значению хаджа⁴.

Прозаическая «Книга путешествий» (в разных переводах — Сафарнаме, Сафар-нама, Сафар-намэ) Насир-и Хусрава представляет собой синтез нескольких жанровых составляющих, в котором сочетаются элементы сакральной географии (описание святынь Мекки и Иерусалима), характерные для паломнической литературы, и сведения о городах и местностях в духе традиции арабских географических сочинений, посвященных «чудесам стран» (*‘ajāib al-bilād*). Кроме того, в сочинении присутствуют небольшие занимательные и назидательные рассказы, имеющие близкие аналогии в арабской и персидской адабной литературе⁵.

И все же в прозаической травелогии «Сафар-наме» посещение святых мест (*ziyarat*) является содержательной доминантой и магистральной темой. Это подчеркивали исследователи, обращавшиеся к этому известному сочинению⁶. Сопоставление рассказа о паломническом посещении Насир-и Хусравом Мекки, о котором он детально повествует в «Сафар-наме», и описания ритуалов хаджа в одном из его стихотворных произведений, где на первый план вынесен духовный смысл действий паломника, дает представление о поставленных автором прагматических и художественных задачах. Сравнение этих разножанровых текстов позволяет выявить изначальный творческий замысел и характер

³ Из недавних публикаций см., напр.: Рейснер М.Л. В поисках скрытого смысла: роль внутреннего комментария в поэзии Насир-и Хусрава (XI в.) // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 1. С. 100–125.

⁴ *Hunsberger A.C. Nasir Khusraw, The Ruby of Badakhshan. A Portrait of the Persian Poet, Traveller and Philosopher*. London; New York: Tauris in association with The Institute of Ismaili Studies, 2000. P. 189–197.

⁵ Адабная литература, литература адаба — комплекс развлекательно-назидательных прозаических сочинений широкого спектра тематики, сформировавшийся в арабской литературе в период расцвета Багдадского халифата (IX в.) и распространившийся в других литературах мусульманского мира.

⁶ См., напр.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. Арабская географическая литература. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 264–265.

ориентации каждого из сочинений на определенный круг слушателей или читателей.

Не менее актуальным в рамках заявленной темы представляется сопоставление описания Насир-и Хусравом в «Сафар-наме» своего пребывания в Каире, не принадлежащем к сакральной географии, и образа того же города, созданного в одной из его программных проповеднических касыд⁷. В этом значительном по объему стихотворном произведении, состоящем из 129 двустиший-бейтов и посвященном обращению автора в исмаилизм⁸, в свойственной ему аллегорической манере поэт создает весьма своеобразную картину того же путешествия и пребывания в Каире и Мисре. Выбранные объекты анализа характеризуют два слоя описания мира, реальный и мистический, связанные с важнейшими философско-религиозными концептами «внешнего» (*zahir*) и «внутреннего» (*batin*), на которых зиждется все литературное и философское творчество исмаилита Насир-и Хусрава.

В свое время в совместной статье с Л.Р. Додыхудоевой нами было высказано предположение, что Насир-и Хусрав задумал «Сафар-наме» не как эзотерическое, а как экзотерическое сочинение общедоступного характера, предназначенное для широкой аудитории⁹. Об этом свидетельствует большое количество разъяснений, касающихся не только местоположения описываемых святынь, их внешнего облика и связи с определенными персонажами Священной истории авраамических религий, но и непосредственно обрядовой стороны поведения паломников во время хаджа: «Если кто-нибудь желает выполнить умрэ¹⁰ и едет из далеких мест, то в полфарсах¹¹ от Мекки на всех дорогах поставлены путевые знаки и выстроены мечети: там для совершения обряда он должен надеть ихрам. Облачаться в ихрам — значит снять с тела все шитые одежды, повязать бедра куском ткани, накинуть другой кусок ткани

⁷ Касыда — одна из наиболее продуктивных форм арабской поэзии, восходящая к доисламской эпохе и имеющая основной целью восхваление конкретного лица. После арабского завоевания Ирана культивировалась и в персидской придворной среде. Насир-и Хусрав выступил реформатором касыды, сменив ее прежнюю панегирическую направленность на проповедническую и философско-дидактическую.

⁸ Полный перевод касыды см.: Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006. С. 285–296.

⁹ Додыхудоева Л.Р., Рейснер М.Л. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Умрэ (‘умра) — малое паломничество, которое совершается не в традиционно отведенный для этого месяц (зу-л-хиджа), а в любое другое время года.

¹¹ Фарсах (фарсанг) — единица измерения пути, равная 6 км.

Старинное изображение Каабы

или повязку на плечи»¹². Вряд ли люди, посвященные в тонкости веры и сокровенного знания, нуждались в столь подобных комментариях относительно совершения обрядов, в частности облачения в ритуальную одежду паломника. «Книга путешествия», полная разного рода деталей и подробностей, была явно рассчитана на интерес весьма разношерстной публики. Аудиторию должен был привлекать в первую очередь образ самого автора, его уникальный опыт путешественника и паломника, яркость впечатлений о разных сторонах жизни земель, в которых ему довелось побывать. Об этой авторской установке свидетельствуют отмеченная ранее жанровая мозаичность «Сафар-наме», внимание к деталям, способным удивить и развлечь слушателя или читателя.

Для каждого жанрового блока книги Насир-и Хусрав выбирает свой тип повествований и описаний, и святые места не составляют исключение. В описании Иерусалима автор сосредоточился на архитектурном облике святынь разных религий и рассказах о том, с каким из пророков связано то или иное строение или место.

В свою очередь, описание Мекки сконцентрировано в основном на ритуальной стороне совершения хаджа. Это сугубо практические инструкции, включающие и упоминания о том, с какими бытовыми

¹² *Насир-и Хусрав. Сафар-наме* / Пер., вступ. ст. Е.Э. Бертельса. М.; Л.: Academia, 1935. С. 151. Все цитаты из «Книги путешествия» в настоящей статье даны в переводах Е.Э. Бертельса с сохранением авторской орфографии.

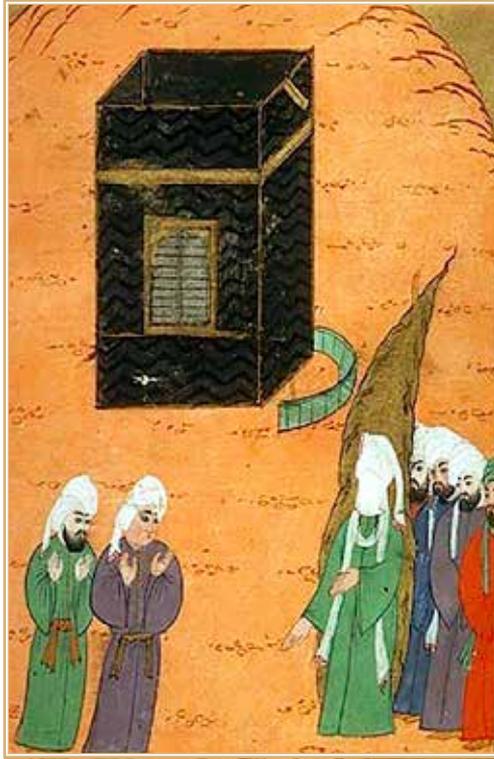
трудностями могут столкнуться паломники. Духовная сторона хаджа в прозаическом сочинении не раскрывается, что еще раз указывает на прагматическую цель «Книги путешествия». Касыда, посвященная хаджу, дает совершенно иной ракурс восприятия тех же мест и тех же обрядов. В ней представлена эмоциональная точка зрения автора, которая должна раскрыть внутреннюю сторону совершаемых паломником ритуальных действий. Поэтическое описание паломничества с перечислением обрядов и упоминанием мест их совершения в касыде несет назидательный смысл и составлено в форме вопросов и ответов, характерной для религиозной дидактики, в том числе агиографической литературы. Однако в данном случае каноническая модель такого диалога трансформирована в соответствии с замыслом поэта — вопросы задает не ученик учителю, а знающий несведущему, т.е. отражает отношения в паре персонажей «посвященный» — «профан» (*ʿarif* — *q̄hafīl*). Вопросы, которые автор касыды задает своему другу, возвратившемуся из хаджа, призваны раскрыть эзотерическую сторону понимания акта паломничества. Начинается этот диалог с вопроса об облачении в ихрам:

Расскажи, как ты совершил
 Почитание той великой святыни.
 Когда ты хотел облачиться в ихрам,
 Какие запреты ты на себя вознамерился наложить?
 Всё ли ты сделал для себя запретным
 Из того, что от века рабам своим запретил Создатель?
 Ответил он: «Нет». Спросил я его: «Восклицал ты “Лаббайка!”»¹³,
 Руководствуясь знанием и почитанием Господа?
 Слышал ли ты голос Бога,
 Дал ли ты ответ так же, как ответил Ему Калим?¹⁴

В стихотворном тексте, придерживаясь в целом перечисления последовательности совершения канонических ритуалов хаджа, автор вопрошает о чувствах своего друга, которые должны соответствовать его внутреннему духовному стремлению встать на путь пророков в познании и почитании Бога. На все свои вопросы он получает отрицательный

¹³ Лаббайка [-ллахумма] — «Вот я перед тобой, [Господи]!», начало молитвы, возносимой паломниками в знак намерения совершить хадж.

¹⁴ *Насир-и Хусрав*. Диван-и ашʿар / Ред. М. Минуви, М. Мухаккик. Тегеран, Энтешарат-е данешгах-е Техран, 1383 (2006). С. 329. Калим — Собеседник [Божий], т.е. пророк Муса.

Кааба на средневековой миниатюре

ответ. Каждый фрагмент, посвященный одному из совершаемых обрядов, оформлен единообразно. Поэт отчасти воспроизводит модель, которая задана в «Сафар-наме» в описании святых Иерусалима, связанных с легендарными местами совершения разными пророками (Даудом, Сулейманом, Закарией и др.) молитвы или покаяния. Вот небольшой фрагмент, в котором реализована эта характерная модель: «Когда пройдешь через этот портик, снова на восток от него находишь — две двери: правая называется Баб-ар-Рахмет, а другая — Баб-ат-Таубет. Говорят, что около этой двери господь, велик и славен да будет он, принял покаяние Давида, мир да будет с ним» (пер. Е.Э. Бертельса)¹⁵. Есть примеры использования этой модели и в разделе, отведенном посещению Мекки и хаджу. Описание ритуального обхода Ка'бы (*tavaf*) в «Книге путешествия» Насир завершает так: «Когда Таваф закончен, идут к месту Авраама, мир да будет с ним, которое напротив Ка'бы, и становятся позади него, так что место это оказывается между Ка'бой и совершающим

¹⁵ *Насир-и Хусрау. Сафар-намэ. С. 71. Двери носят названия «Дверь Милосердия» и «Дверь Покаяния» (прим. пер.). О том, в чем провинился и покаялся Дауд, в Коране не сказано, однако предание, изложенное в Ветхом Завете, было хорошо известно. На него намекает Коран (38: 21–24) и ссылается Насир-и Хусрав.*

обряд. Там творят два раката намаза, называемого “намазом Тавафа”¹⁶. С этим местом, называемым «Стоянкой Ибрахима» (Макам Ибрахим), связано предание о намерении пророка принести в жертву своего сына, который был по воле Аллаха заменен агнцем.

Насир-и Хусрав, руководствуясь своим замыслом, переносит описанную модель в стихотворный текст, что полностью узаконено арабской нормативной поэтикой, которая предписывала в качестве одного из приемов трансформации мотива его перенос (naql) из прозы в поэзию. В касыде мотиву придается дополнительное значение, связанное с эмоциональным состоянием паломника и призванное дать представление о внутренней сути совершаемого обряда:

Ответил он: «Нет». Спросил я его: «Когда в жертву
Ты приносишь агнца ради бедняков и сирот,
Принес ли ты сначала в жертву себя,
Убил ли ты и принес ли в жертву проклятые злосчастные страсти?»
Ответил он: «Нет». Спросил я его: «Когда оказался ты
Вознесенным на Стоянку Ибрахима (Макам Ибрахим),
С искренностью, убеждением и уверенностью
Сделал ли ты свою самость послушной Господу?»¹⁷

Таким образом, без одухотворения совершаемых действий внутренней эмоцией верующего паломничества оказывается «пустым», формальным актом, лишенным смысла, о чем поэт говорит в завершении касыды:

Сказал я: «О, друг, в таком случае хадж ты не совершил,
Не достиг стоянки исчезновения [в Боге],
Добрался до Мекки и вернулся обратно,
Тяготы пустыни облегчив деньгами.
Если же ты желаешь совершить хадж, то впредь
Поступай так, как я тебя наставляю»¹⁸.

В дальнейшем в поэтической традиции именно духовно-мистический, внутренний аспект паломничества становится ведущей темой, что

¹⁶ *Насир-и Хусрав*. Сафар-намэ. С. 152.

¹⁷ Там же. С. 329.

¹⁸ Там же. С. 330.

Караван, покидающий Каир через ворота Баб ан-Наср.
Художник Р.М. Райт

отражено во множестве произведений, начиная с мистической лирики Джалал ад-Дина Руми (Моулана) (XIII в.)¹⁹ и кончая стихотворением поэтессы начала XX в. Парвин Э'тесами «Ка'ба сердца»²⁰.

При очевидной ориентированности «Сафар-наме» на запросы широкого круга представителей разных конфессий и течений, а также при отсутствии в книге каких-либо заметных проявлений исмаилитской направленности текста косвенные следы приверженности автора к этой доктрине все же обнаруживаются. Их можно заметить в его нескрываемом восхищении государственной политикой династии Фатимидов в Египте. В частности, в детальное описание городов, которые автор называет Каир и Миср²¹, наряду с обилием конкретных реалий (водоснабжение, архитектура, озеленение, например, сады на крышах и растения в кадках, освещение, разлив Нила, стены и ворота, базар и торговля, специалитеты) вплетаются элементы восхваления разумности и справедливости общественного устройства, благосостояния жи-

¹⁹ Одна из его газелей начинается словами: «Совершай таваф вокруг Ка'бы сердца, если у тебя есть сердце...» Текст см.: <https://ganjoor.net/moulavi/shams/ghazalsh/sh3104>

²⁰ Полный перевод этого стихотворения см.: Кошемчук Т. А., Рейснер М. А., Яхьянур М. Богопознание поэта: творчество Парвин Этесами в контексте иранской духовной традиции // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 2. С. 53–56.

²¹ Речь идет о столичной городской агломерации Фатимидского халифата — городах аль-Кахира и Фустат (Миср), в настоящее время слившихся в единое урбанистическое пространство, г. Каир.

телей, безопасности и т.д. На апологетический характер этого описания обратила внимание А.К. Хансбергер, назвавшая главу 8 своей книги «Блеск Фатимидского Каира» («The Splendor of Fatimid Cairo») ²². В своей целостности это описание дает картину, в которой можно усмотреть жанровые элементы социальной утопии. Каир и Миср, эту огромную для своего времени агломерацию, автор представляет как образец идеального города. К примеру, в описании Мисра имеется такой фрагмент: «Торговцы на базарах в Мисре, когда продают что-нибудь, говорят правду, а если кто-нибудь солжет покупателю, его сажают на верблюда, дают ему в руку колокольчик и водят по городу, при этом он должен звонить в колокольчик и кричать: — Я сказал неправду и теперь несу наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!» ²³

Впечатления о городском пространстве и его особенностях, о быте и нравах его обитателей завершаются в «Сафар-наме» восхвалением справедливого государственного устройства, которому следует верховный правитель Египта и которое обеспечивает благосостояние жителей страны. Небольшой раздел «Характеристика египетского султана» ²⁴ начинается такими словами: «Безопасность и спокойствие жителей Египта доходят до того, что торговцы галантерейным товаром, менялы и ювелиры даже не закрывают дверей: они натягивают только перед ними сетку, и никто не решается украсть что-нибудь» ²⁵. Далее следует несколько небольших рассказов, иллюстрирующих справедливость султана, его щедрость и заботу о подданных. Пропагандистская направленность авторского повествования о пребывании в Каире и Мисре не вызывает сомнений.

Описание того же городского пространства в касыде, которую Насир-и Хусрав посвятил своему обращению в исмаилизм, выдержано в иносказательном ключе. Каир-Миср предстает как мистический Град сокровенного знания, в котором поэт достигает цели своих странствий и обретает искомого наставника:

И вот в один прекрасный день я достиг врат Града, которому
Служат планеты и покорились страны света.
Это — Град, утопающий в садах, полных цветов и плодов,

²² Hunsberger A.C. Nasir Khusraw, The Ruby of Badakhshan. A Portrait of the Persian Poet, Traveller and Philosopher. London; New York: Tauris in association with The Institute of Ismaili Studies, 2000. P. 140–173.

²³ Насир-и Хусрав. Сафар-намэ. С. 125.

²⁴ В тексте «Сафар-наме» фатимидский халиф именуется султаном.

²⁵ Насир-и Хусрав. Сафар-намэ. С. 130.

Ворота Баб ал-Футух старого Каира. Современная фотография

Стены его украшены росписью, земли его покрыты рощами.
Степи в нем разрисованы, подобно узорчатому шелку,
Вода в нем — чистый мед, словно в Каусаре²⁶.
Это — Град, в котором, кроме познания, нет другого строения.
Это — сад, в котором, кроме разума, нет другого дерева.
Это — Град, в котором мудрецы носят одежды из шелка,
Но не того, что соткан руками мужчин или женщин.
Это — Град, которого едва достиг я, как разум мне поведал:
«Здесь проси то, чего искал, — мимо этой обители не проходи!»
Я к стражу врат подошел и произнес свою речь,
Ответил он: «Не печалься — твоё сокровище оказалось в руднике.
Омываем океаном этот край [сокровенного] смысла,
А в [океане] отборный жемчуг и чистейшая вода.
Этот [край] — недоступное небо, полное высоких звезд,
Или райские сады, полные прелестных дев».
Я принял его за Ризвана, как только достигли моего слуха
Его слова, исполненные смысла и сладости изъясненья²⁷.

²⁶ В тексте Корана прилагательное *kawsar*, обозначающее «обильный», к описанию рая отношения не имеет, однако в комментаторской традиции и в литературных текстах это слово толкуется как название одного из райских источников.

²⁷ Насир-и Хусрав. Диван-и аш'ар. С. 260.

Священный Град, до которого добрался путник, взыскующий Истины, описан как «город вечной весны». Этот древний концепт восходит к авестийскому мифу о Золотом веке человечества в эпоху правления царя Йимы (перс. Джам, Джамшид), принадлежавшего к первому поколению людей. Рудименты этого мифа в нескольких вариациях можно обнаружить в героической эпосе Фирдоуси «Шах-наме», написанной уже в эпоху распространения ислама в Иране, на рубеже X и XI вв.²⁸ Как и другие устойчивые компоненты древнеиранской картины мира, концепт «города вечной весны» был встроен в исламскую религиозную парадигму. Описание города как цветущего сада становится одной из форм реализации мотива мистической проекциирая на земле.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что в «Сафар-наме» и касыдах Насир-и Хусрава сакральная география представлена автором в двух разных ипостасях — экзотерической и эзотерической, что напрямую связано с замыслом произведений, составленных с различной целью и ориентированных на разную аудиторию. Тем не менее в рассмотренных фрагментах «Книги путешествия» и в приведенных стихотворных цитатах так или иначе проявляется религиозная приверженность автора, стремившегося создать для новообращенных исмаилитов «новую сакральную географию»: и в прозе, и в поэзии Насир-и Хусрав разными способами добивается включения в нее столицы Фатимидского Египта, представив Каир и Миср не только как идеальное место для проживания, но и как священное средоточие истинного знания.

²⁸ См. об этом подробно: Рейснер М.Л. Образ идеального города — города золотого века в персидской поэзии // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. Ч. III. Гл. 22. С. 538–555.

REFERENCES

1. *Dodykhudoeva L.R., Reysner M.L.* The Book of Travel (Safarnama) of Nasir-i Khusraw in Russian Translations // Oriental Classics in Russian Translations: reviews, analyses, critics [«Kniga puteshestvija» («Safar-nama») Nasir-i Husrava v russkih perevodah // Vostochnaja klassika v russkih perevodah: obzory, analiz, kritika]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 2008. P. 47–78.
2. *Koshemchuk T.A., Reysner M.L., Yabyapour M.* The poet's knowledge of God: the work of Parvin Etesami in the context of the Iranian spiritual tradition [Bogopoznanie pojeta: tvorchestvo Parvin Jetesami v kontekste iranskoj duhovnoj tradicii // Konzept: filosofija, religija, kul'tura] // Concept: Philosophy, Religion, Culture, 2022, 6(2). P. 41–58.
3. *Krachkovskij I.Yu.* Collected works. Vol. IV. Arab Geographic Literature [Izbrannie sochineniya. T. IV. Arabskaja geograficheskaja literatura]. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Science Publ., 1957.
4. *Nasir-i Khusraw.* Safar-nama. Translation and introductory article by E. Bertels. Moscow; Leningrad: Academia, 1935.
5. *Nasir-i Khusraw.* Divan al-as'har (Collection of Verses). Tehran, Tehran University Publ., 1383 (2006).
6. *Reysner M.L.* In the search of secret meaning: the role of 'inner commentary' in the Nasir-i Khusraw's poetic works (11th century) [V poiskah skrytogo smysla: rol' vnutrennego kommentarija v poezii Nasir-i Husrava (XI v.)]. *Studia Litterarum.* 2023. Vol. 8. N 1. P. 100–125.
7. *Reysner M.L.* Image of ideal town – town of golden age in Persian poetry // Images of Time and Historical representations. Russia – the East – the West [Obraz ideal'nogo goroda – goroda zolotogo veka v persidskoj poezii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad] / Ed. Lorina P. Repina. Moscow, Krugh, 2010. Part III. Chapter 22. P. 538–555.
8. *Reysner M.L.* Persian lyric-epic poetry of X – beginning of XIII century: Genesis and evolution of Classic Qasida [Persidskaia liroepicheskaia poezii X – nachala XIII veka. Genezis i evolutsiia klassicheskoj kasydy].

Moscow, Natalis Publ., 2006. <https://ganjoor.net/moulavi/shams/ghazalsh/sh3104> (дата обращения: 08.11.2023)

9. *Hunsberger A.C. Nasir Khusraw, The Ruby of Badakhshan. A Portrait of the Persian Poet, Traveller and Philosopher.* London; New York: Tauris in association with The Institute of Ismaili Studies, 2000.

Ключевые слова:

Насир-и Хусрав, исмаилизм, Мекка, ритуалы хаджа, Каир, город Золотого века

Marina L. Reysner

BETWEEN MECCA AND CAIRO: «OLD» AND «NEW» SACRED GEOGRAPHY IN THE «BOOK OF TRAVEL» AND POETRY OF NASIR-I KHUSRAW (1004–1088)

The article is devoted to the correlation of exoteric and esoteric aspects in the description of Mecca and Hajj rituals in the «Book of Travel» (Safar-nama) and the poetic works of the outstanding preacher of Ismailism, religious philosopher and poet Nasir-i Khusraw Qubadiani. The study also raises the question of the strategy of Nasir-i Khusraw's inclusion of Cairo as the center of the Fatimid Ismaili state (909–1171) in the sacred geography of Islam by its apologetic description in the «Safar-nama» and allegorical representation in preaching and allegorical poetry as the city of true knowledge. The study shows that different ways of describing (exoteric – in prose, esoteric – in poetry) the same objects, including those included in the area of the sacred geography of Islam, are modeled by the purpose of the work and its focus on a specific audience. The expansion of the sacred geography of Islam by including Cairo in it is fixed in both ways, however, in the panegyric description in «Safar-nama» and in the allegorical qasida there are elements of the stable Iranian concept of the «City of Eternal Spring», that is the city of the Golden Age.

Key Words: Nasir-i Khusraw, Ismailism, Mecca, Hajj Rituals, Cairo, City of the Golden Age.

Marina L. Reysner – D.Sc. (Philology), Professor at the Department of Iranian languages, Institute of Asian and African studies Lomonosov Moscow State University.

 Рейснер Марина Львовна

доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова